

В этот момент даже Лу Цзяхэ не рискнул вмешаться: побоялся, что у Цзян Тинчжоу дрогнет рука и он действительно лишит парня глаза.

Шестое чувство подсказывало, что Цзян Тинчжоу сейчас не в себе.

Как наследник семьи Лу, Цзяхэ с детства обучался рукопашному бою на случай похищения. И все же он упустил момент, когда Цзян Тинчжоу перехватил инициативу. Тот орудовал ножом с пугающей ловкостью — куда более точной и выверенной, чем у любого подготовленного бойца.

Лишь сейчас Лу Цзяхэ осознал: слова о том, что Цзян Ю позавчера чудом унес отсюда ноги, не были пустой угрозой.

Ань Сяопин опешил не меньше. Перед глазами у него до сих пор стоял недавний образ: слабый, изможденный Цзян Тинчжоу, которого управляющий Ян без труда спихнул с больничной койки. Но стоило тому оправиться от болезни, как он мгновенно сбросил маску покорности, явив свой истинный характер. Никаких компромиссов, никакой фальшивой вежливости.

— Немедленно отпусти Сюй Фэна! — наконец подал голос Лу Цзяхэ.

Сюй Фэн — так звали этого короткостриженного — тяжело дышал, его лицо налилось багровой краской. Впрочем, даже оказавшись под прицелом, он не спешил прикусить язык.

— Тинчжоу, ты совсем страх потерял?! — выкрикнул он, хотя в голосе отчетливо проскальзывала паника. — Руки убрал! Твоего паршивого семейства Цзян не хватит, чтобы расплатиться за это! Живо отпусти, не то я тебя упеку за решетку! Давай, полосни меня, если духу хватит, посмотрим, как заговоришь... А-а-а!

Сюй Фэн учился вместе с Тинчжоу в престижной частной школе, играл в баскетбольной команде и, разумеется, числился среди верных прихвостней Цзян Ю. Издеваться над Цзян Тинчжоу он начал еще в старших классах, а теперь, почувствовав полную безнаказанность, перешел все границы.

Вместо ответа Цзян Тинчжоу молча сжал пальцы.

Профессиональный повар, привыкший играючи управляться с тяжелыми чугунными воками, обладал такой силой рук, какая обычному человеку и не снилась.

Сюй Фэн захрипел, ловя ртом воздух. Чужие пальцы казались вылитыми из стали тисками, сдавившими горло до глухой, парализующей боли. Он не мог даже пискнуть.

Острые лезвия замерло в волоске от его лица. Сюй Фэн застыл, не смея шелохнуться и понимая, что вырваться из этого захвата у него нет ни единого шанса.

— И что ты мне сделаешь, если я действительно его применю? — невозмутимо поинтересовался Цзян Тинчжоу. — Хочешь, сам вызову полицию? Оформим как обоюдную драку, и в участок мы поедem вместе. Твоя семья, конечно, пришлет адвокатов, как и раньше. Но я позабочусь, чтобы они узнали, как знатно ты облажался за границей. Напомню им, что из-за твоих пьянок и прогулов университет уже готовит приказ об отчислении. Диплома тебе не видать. Интересно, отец сразу тебе ноги переломает или сначала лишит наследства?

У Сюй Фэна от страха округлились глаза. Боль в вывернутом запястье никуда не делась, но страх разоблачения оказался сильнее.

— Отпусти... пожалуйста, отпусти... — прохрипел он, едва шевеля губами.

Однако Цзян Тинчжоу и не думал ослаблять хватку. Напротив, его пальцы сжались еще сильнее, словно он всерьез вознамерился придушить наглеца прямо на месте.

— Я виноват... Слышишь? Виноват! — прохрипел Сюй Фэн. Лицо его посинело, легкие горели огнем. Поняв, что еще пара секунд — и он попросту лишится чувств, парень наконец сдался. — П-прости меня...

За долгие годы это был первый раз, когда он склонил голову перед Цзян Тинчжоу. Человек перед ним казался безумцем, которому совершенно нечего терять.

В этот момент девушка, до сих пор молча стоявшая позади всех, наконец заговорила.

— Тинчжоу, брось, довольно, — негромко произнесла она. — Не стоит наживать себе лишних врагов.

Цзян Тинчжоу прекрасно знал меру. Опыт прошлой жизни научил его калечить так, чтобы не оставлять следов для судмедэкспертизы — жертве чертовски больно, но закон бессилен. И все же знакомый голос заставил его вздрогнуть. Он разжал пальцы, и Сюй Фэн кулем повалился на пол, шумно втягивая воздух.

Но Сюй Фэн, славившийся подлым нравом, едва переведя дух, попытался ударить исподтишка. Цзян Тинчжоу среагировал мгновенно: точным и резким пинком в коленную чашечку он заставил мерзавца с размаху рухнуть на колени.

В ту же секунду нож со свистом пронесся у самой его макушки, срезав прядь волос, и намертво впился в деревянную обшивку стены.

У Сюй Фэна перехватило дыхание, спина мгновенно взмокла от холодного пота.

Действительно, зря он решил потягаться силами с поваром, у которого обращение с острыми лезвиями доведено до автоматизма.

Цзян Тинчжоу застыл на месте, так и не обернувшись. Зато Ань Сяопин наконец отмер.

— Сестра Шуянь? — удивленно выдохнул он, во все глаза разглядывая гостью. — Не подай ты голос, я бы ни за что тебя не узнал! Ну и... ну и ну, ты так изменилась!

Из четверых незваных гостей Тинчжоу сразу признал троих: Лу Цзяхэ, Сюй Фэна и стоявшего чуть поодаль молодого человека — Цзян Ли, представлявшего девелоперский клан Цзян.

В их тесной компании «золотой молодежи» Лу Цзяхэ, бесспорно, занимал центральное место благодаря безупречному происхождению. Собственных капиталов семьи Цзян не хватало даже на то, чтобы доползти до порога этой элиты, однако Цзян Ю благодаря детской дружбе с Цзяхэ и славе популярного блогера ухитрился стать в этом кругу своим.

Вторым по значимости был как раз Цзян Ли.

Его семья владела строительной империей и входила в число крупнейших девелоперов провинции Дунцзян. Поскольку они состояли в дальнем родстве с кланом Цинь, Лу Цзяхэ по семейной иерархии звал его кузеном. Круг провинциальной элиты вообще был тесен, так что подобные родственные связи никого не удивляли.

Цзян Ли мог похвастаться безупречной репутацией — еще в лицейские годы он слыл местной знаменитостью. Старшие воспитывали его с оглядкой на эталонного Лу Байюя: примерный ученик, золотой медалист, будущий выпускник престижного зарубежного вуза. Учился он блестяще и от любых сомнительных авантур держался подальше.

Впрочем, в любой элитарной шайке затесывается паршивая овца. Сюй Фэн как раз и был типичной безголовой шестеркой.

К нынешнему возрасту почти всем из них пришлось впрячься в семейное дело, так что выкроить время для совместных гулянок удавалось нечасто. Праздношатающихся бездельников вроде Сюй Фэна среди них почти не осталось.

А вот стоявшую чуть поодаль девушку Цзян Тинчжоу признал далеко не сразу.

Каштановые локоны, безупречные манеры и неуловимый флер благородной интеллигентности делали ее удивительно привлекательной. Рядом с Цзян Ли она смотрелась поразительно гармонично — идеальная пара из высшего света.

Лишь когда она заговорила, Тинчжоу по характерным интонациям наконец догадался, кто перед ним стоит.

Ли Шуянь.

Невероятно. Это действительно была она.

В старших классах Тинчжоу фактически оставался изгоем. Лу Байюй тогда безвылазно сидел за границей и прилетал от силы пару раз в год, так что защитить его не мог. Единственными, кто скрашивал одиночество Тинчжоу, были преданный Ань Сяопин и она — Ли Шуянь, которой в лице тоже приходилось несладко из-за вечных нападок одноклассников.

Но все это осталось в прошлой жизни.

Тинчжоу долго не решался обернуться. А когда наконец встретился с ней глазами, у него перехватило дыхание: казалось, их разделяет целая вечность.

Лишь в глубине ее глаз еще теплился знакомый образ прежней, ранимой Ли Шуянь.

— Тинчжоу, Сяопин... Вы тоже совсем другие, — она попыталась улыбнуться, но губы дрогнули, выдав напряжение. — Сяопин, тебя просто не узнать. Похудел, возмужал. Тебе очень идет.

Ань Сяопин выдавил из себя неловкий смешок. Смущенно переступив с ноги на ногу, он выдавил:

— Да... спасибо.

Лу Цзяхэ, которому весь этот фарс изрядно надоел, брезгливо помог подняться скулящему Сюй Фэну.

Тот, искренне веря, что едва разминулся со смертью, тут же завел привычную волюнку:

— Сестра Шуянь, ты же не оставишь это просто так?! Цзян Тинчжоу совсем берега попутал! Не верь ни единому его слову, он еще в школе гнидой был. Помнишь ту историю с кражей денег у баскетболистов? Это ведь его рук дело, к гадалке не ходи! А как он с тобой обошелся? Вышвырнули бы этого ублюдка из лица вовремя, тебе бы не пришлось уезжать учиться за тридевять земель! Цзян Тинчжоу...

— Сюй Фэн, захлопни пасть, — ледяным тоном оборвал его Цзян Ли. — Следи за языком. Прошлого тебя не касается.

Ли Шуянь тоже недовольно поморщилась, всем видом показывая нежелание ворошить старые обиды.

— Ты повел себя как безмозглый идиот, — отрезала она. — К тому же, слухи о твоём позорном вылете из университета — правда? Учти, я непременно обсужу это с твоей сестрой.

Сюй Фэн, получив нагоняй с двух сторон, мгновенно сдулся и притих.

Он еще долго косился на Цзян Тинчжоу как на восставшего мертвеца, тщетно пытаясь сообразить, в какой момент этот тихий слабак превратился в безжалостного зверя.

Неужели Тинчжоу действительно не побоялся дать сдачи? Ему что, плевать на последствия? И откуда, черт побери, этот нищесброд прознал про отчисление?!

Эта позорная тайна должна была храниться за семью печатями еще как минимум полгода! Он ведь лично отвалил круглую сумму декану-иностранцу, чтобы замять скандал. Дома никто и пикнуть не должен был!

Впрочем, Сюй Фэн, чей мыслительный процесс никогда не отличался сложностью, даже не догадывался, что своей глупостью окончательно вырыл себе яму. Спустя пару месяцев новость о его позорном вылете разлетится по зарубежным студенческим чатам, а затем утечет в сеть, превратив мажора в посмешище национального масштаба.

Цзян Тинчжоу, вернувшийся из будущего, прекрасно знал, какая участь ждет этого придурка.

— Сюй Фэн вообще-то за меня вступился, — недовольно буркнул Лу Цзяхэ.

— Лицейские терки остались в прошлом, а деловые вопросы кулаками не решают, — отчеканил Цзян Ли, крепко сжав ладонь Ли Шуянь. — Цзяхэ, ведешь себя как детсадовец.

Лу Цзяхэ понимал, что они выставили себя на посмешище, а потому лишь раздраженно отмахнулся:

— Да понял я, отвяжись.

Грохот и крики переполошили персонал чайной. Из кухни уже боязливо выглядывал менеджер. Цзян Ли, не желая раздувать скандал, щедро швырнул на стол пачку купюр, покрывая ущерб. Ли Шуянь явно хотела задержаться и поговорить с Тинчжоу, но Цзян Ли мягко увлек ее к выходу:

— Идем, Шуянь. У нас мало времени, дела не ждут.

Четверка поспешно ретировалась.

Напоследок Лу Цзяхэ одарил Цзян Тинчжоу таким взглядом, словно вознамерился испепелить его на месте.

Когда буря утихла и в зале воцарился покой, Цзян Тинчжоу невозмутимо опустился на стул. Он подцепил палочками последний остывший хагао и отправил его в рот. Вкусно, но прелесть горячего блюда безвозвратно утеряна.

Ань Сяопин испуганно молчал, судорожно крутя колесико настройки на камере. Заметив его мандраж, Цзян Тинчжоу мягко произнес:

— Забудь. Работай спокойно, эти придурки не стоят твоих нервов. Со мной все будет в порядке.

— Да как тут не переживать? — шмыгнул носом Ань Сяопин. — Они же не отстанут. Опять пакостить начнут.

— Посреди бела дня-то? — Тинчжоу лишь хмыкнул. — Пусть попробуют. Уверяю, в этот раз зубы обломают именно они.

В честной драке Тинчжоу, конечно, не уступил бы. Но ведь эта избалованная свора никогда не играла честно. Со школьной скамьи они изводили его подлыми интригами, и арсенал их грязных трюков казался неисчерпаемым.

Ань Сяопин понуро уткнулся в объектив. Из горла вырвался тихий вздох: парень в очередной раз затылком почувствовал собственное бессилие.

Будь у него хоть капля влияния или хотя бы раскрученный блог-миллионник, эти сытые баловни судьбы побоялись бы поднимать шум, опасаясь народного гнева.

— Сестра Шуянь... — неуверенно начал он после долгой паузы. — Она теперь... с ними заодно?

По ее тону было ясно: в этой стае она теперь имеет вес. Поразительный контраст с лицейскими годами, когда ее гнобили точно так же, как и Тинчжоу.

— И отлично. Значит, дела у семьи Ли пошли в гору, — ровным голосом отозвался Цзян Тинчжоу. — Если подумать, наша дружба с самого начала приносила ей одни несчастья. Держаться от меня подальше — лучшее, что она могла сделать.

— Это не так, — тихо возразил Ань Сяопин, но спорить не решился. На душе сделалось еще паршивее.

Меж тем покинувшая заведение четверка пребывала в не менее мрачном расположении духа. Стоило им выйти на улицу, как на лицах проступило глухое раздражение.

Сюй Фэн продолжал без умолку ныть, цепляясь за колено и жалуясь на дикую боль и тошноту. Бросить его посреди улицы Лу Цзяхэ не мог при всем желании, а потому принялся названивать

шоферу, требуя немедленно подогнать машину и отвезти пострадавшего в травмпункт.

Но улочки Старого района оказались слишком узкими для представительского седана. Сюй Фэн уже едва ли не вылетел, распластавшись на грязном тротуаре, когда к ним наконец подбежал взмыленный шофер. Раздобыв где-то старую инвалидную коляску, он погрузил туда хнычущего мажора и покатил к выезду из переулочка. Сюй Фэн еще никогда в жизни не терпел столь позорного фиаско.

Ли Шуянь проводила их равнодушным взглядом и бросила:

— На этом и закончим. Если семейство Сюй поднимет шум, скажем, что он сам споткнулся и неудачно упал.

— Упал?! Да разве так падают?! — вскипел Лу Цзяхэ, с силой пнув подвернувшийся под ногу обломок кирпича. — Цзян Тинчжоу отделал его на глазах у всех, а сам вышел сухим из воды! И мы это схаваем? Цзян Ли, ну скажи хоть слово! С каких это пор ты стал таким терпилой?

Однако Цзян Ли отозвался еще более равнодушно:

— В таких вещах я полностью полагаюсь на мнение Шуянь. К тому же мы приехали в Старый район ради тендера на реконструкцию, и тратить время на глупости я не намерен. Сюй Фэн сам полез в драку. То, что он оказался слабаком и огреб по заслугам — его личные проблемы. Нам-то какое дело?

— Ты из-за своей бабы совсем разум потерял! — вскинулся Лу Цзяхэ. — Сюй Фэн — наш друг детства, мы сто лет знакомы! Тебе вообще плевать на своих?

Цзян Ли посмотрел на кузена как на неразумное дитя:

— Цзяхэ, мы выросли из возраста дворовых банд. Судя по физиономии Сюй Фэна, история с отчислением — чистая правда. Вылететь из заграничной лавочки, куда родители запихнули его за огромные взятки ради красивой строчки в резюме... Это надо обладать выдающимся скудоумием. Советую держаться от него подальше. Твоя детская «пацанская солидарность» доведет до беды. Рядом с дураками сам быстро глупеешь.

Лу Цзяхэ в сердцах отмахнулся, давая понять, что разговор окончен.

С этими заносчивыми интеллектуалами спорить было бесполезно. И все же червяк сомнения подтачивал его уверенность: Сюй Фэн действительно повел себя как последний лох. Чай, не в школе уже, чтобы бросаться на людей с кулаками посреди улицы.

Но даже если признать, что Сюй Фэн свалил дурака, разве это оправдывает Цзян Тинчжоу? Тот вообще берега попутал.

В памяти невольно всплыл заплаканный, побитый Цзян Ю.

Позавчера тот так жалобно плакал на его плече... Пошел ведь из чистой доброты, хотел по-хорошему уговорить брата вернуться в семью, а в ответ получил побои. Теперь еще и проект в агентстве встал колом.

Мать, Цинь Рушуан, как раз поручила ему организацию визита съемочной группы популярного телешоу «На кончике языка». Для Цзяхэ это был идеальный шанс заявить о себе, наработать авторитет в деловых кругах и доказать совету директоров свою профпригодность.

Режиссер Чэн Шифэй обладал в проекте колоссальной властью. Вопросы эксклюзивного спонсорства согласовывались лично с ним, а его связи в руководстве Центрального телевидения и министерстве культуры делали его фигурой поистине неприкосновенной. Сумей Лу Цзяхэ закрыть эту сделку от лица Логистической группы Лу, и ни одна собака в семейной корпорации больше не посмела бы обозвать его бездельником-мажором, проедающим родительские деньги.

Спонсоры выстраивались к проекту «На кончике языка» в очередь, предлагая баснословные суммы. Но мостик к соглашению перебросил именно Цзян Тинчжоу: режиссер Чэн пошел на контакт с Цинь Рушуан исключительно из глубокого уважения к кулинарному таланту молодого шефа. Теперь, когда контракт был почти согласован, внезапное исчезновение ключевого посредника могло сорвать сделку в последний момент.

Цзян Тинчжоу нельзя отпускать. Ни в коем случае.

Лу Цзяхэ подсознательно цеплялся за эту мысль: во всем, что касалось кулинарного искусства, заменить Цзян Тинчжоу было нечем. Тот был гением у плиты, и спорить с этим было глупо.

«Да и с нашей семьей у него слишком много недосказанного, — крутилось в голове у Цзяхэ. — С какой стати он возомнил, что может вот так просто развернуться и уйти?»

«Нет, это так оставлять нельзя. Я найду способ притащить его обратно. И заодно проучу, чтобы знал свое место»

Ли Шуянь заметила, что кузен что-то сердито бормочет под нос. Разобрать слова не удалось, но упрямая гримаса на его лице не предвещала ничего хорошего.

— Цзяхэ, даже не думай снова лезть к Тинчжоу, — строго предупредила она.

Лу Цзяхэ лишь пренебрежительно фыркнул. «Раскомандовалась тут. Цзян Ли-то под каблук загнала, но со мной этот номер не пройдет».

— Сказал же — понял, — буркнул он вслух. — Мой старший брат за него до сих пор

переживает. Если я наломаю дров, мне потом от Байюя живым не уйти.

Лу Байюй действительно строго-настрого запретил докучать Цзян Тинчжоу, сославшись на его скверное душевное состояние. Но Лу Цзяхэ и не планировал устраивать банальный мордобой — это Сюй Фэн сглупил. Самому Цзяхэ вовсе не обязательно было марать руки. В его распоряжении имелись куда более изящные способы воздействия, не требующие личного присутствия.

После ухода незваных гостей Ань Сяопин окончательно потерял рабочий настрой. Собрав аппаратуру, он засобирался домой, решив посвятить остаток дня обработке и монтажу уже отснятых кадров.

К счастью, кадры, сделанные до визита непрошенных гостей, вышли отменными. Вид на заросший сад Старого сахарного завода Юнцина за окном дышал благородной стариной, да и портреты Цзян Тинчжоу, которые Сяопин сделал тайком, получились невероятно живыми и теплыми.

Но мысли его то и дело возвращались к недавней стычке. Занимаясь рутинной работой, он попутно зарегистрировал аккаунты на нескольких новых платформах. Действуя чисто механически, Ань Сяопин просто скинул туда пачку своих старых видеороликов и нажал кнопку «Опубликовать», даже не потрудившись проверить, как легли файлы. На тщательный отбор у него сегодня попросту не осталось сил.

<http://bllate.org/book/19956/1995112>